

Актерский подъезд

Народный артист СССР Николай Сергеевич Плотников долгое время был другом нашей газеты — автором ее, советчиком, строгим критиком. Не раз он выступал на страницах «Советской России» со своими размышлениями о театре и актерском труде, о театральной критике. И всегда это было честное, искреннее, принципиальное слово. Книга «Актер и его работа», которая только вышла в издательстве ВТО, складывалась Плотниковым, можно сказать, всю жизнь. Человек по натуре невероятно деятельный, общительный, любопытный, бережливый к памяти, Николай Сергеевич просто не мог не поделиться с другими своим огромным актерским и человеческим опытом. Со страниц книги с нами говорит умный, добрый, искренний, интересный и совестливый человек. В этой книге бьется его живое сердце. Думаем, что, публикуя сегодня отрывок из книги Н. Плотникова, мы дадим читателям возможность самим это ощутить.

Т. Исакова.

Вы не замечали, что в зрительном зале женщин больше, чем мужчин? Я обсуждал этот вопрос с давним своим знакомым, и он ответил мне:

— Женщины более терпеливы...

Я не понял. Тогда мой собеседник, сославшись на спектакль, который смотрел он недавно в одном из театров, сказал мне, что в тот вечер один из ведущих актеров был явно «не в форме». Попросту говоря, пьян. Он не мог даже вспомнить слова роли. Публика слышала непривычно громкие подкаски сфуглера, негодовала, и в антракте, выразив свое возмущение ни в чем не виноватым капельдинерам, уходила из театра.

И вот теперь мой знакомый, припомнив этот эпизод, стал рассуждать об ответственности актера перед современным зрителем, который все понимает и, конечно же, не простит этой выходки популярнейшему артисту театра и кино.

Я взорвался:

— При чем здесь современная публика! А перед публикой двадцатых годов можно было появляться в таком вот непотребном виде? Да и не только о публике нужно сейчас говорить! Об ответственности актера! И перед публикой, и перед домом своим — театром, и перед товарищами. Перед собственной совестью, наконец!..

Мы не спорили. Собеседник сказал, что оговорился: по привычке сказал о современном зрителе. Он, разумеется, согласен, что любой зритель имеет право на уважение. И сегодняшний. И тот давний.

Этот случай не стал, к сожалению, тем чрезвычайным происшествием, которое подняло, всколыхнуло бы весь театр. Все было тихо спущено на тормозах. Как будто бы не было этого эпизода. Этика актера, нормы поведения в искусстве, в театральном коллективе — это не пустые слова, это внутренняя дисциплина, нарушение которой ведет к медленной, неотвратимой гибели театра.

Вспоминая часто знаменитую фразу Станиславского о том, что театр начинается с вешалки, мы не даем себе труда задуматься над тем, что значит эта мысль, как глубока и важна она, какая высокая требовательность заложена в ней.

Я не преувеличиваю — увы, лишь констатирую то, что происходит сегодня во многих театрах. Впрочем, давайте зайдем в любой московский театр...

Актерский подъезд. Не просто веселое оживление, толчея актеров, их приятелей и приятельниц, громкие выкрики, шум, гам, хохот. Сосредоточенность, творческая внутренняя настроенность — об этом, ка-

жется, и мечтать нельзя. Актеры громко разговаривают — не о ролях, а о том, кто где снимается, кто с кем в каком концерте выступал, о сегодняшних ценах на рынке и завтрашних на автомобили, о последнем матче хоккея и т. д., и т. п.

Все говорят во весь голос — теперь это принято. Гримируюсь в своей комнате, даже при закрытой двери, приходится быть, к сожалению, в курсе всех обсуждений и дискуссий. Понизить голос труда себе никто не дает. Хохолющим артистам ничуть не важно и неинтересно, что их партнеры по сегодняшнему спектаклю уже сидят в гримерной, пытаются сосредоточиться, стараясь настроиться на предстоящий спектакль.

Выйдешь в коридор, спросишь с возмущением:

— Почему вы так громко разговариваете?

А тебе в ответ едва ли не с обидой:

— Но ведь спектакль еще не начинался...

Распущенность артистов мешает не только, конечно же, их товарищам, но и им самим. Однако за обстановкой за кулисами никто не следит. Это становится привычкой, входит в плоть и кровь актера: ведь за пять-десять лет работы его никто не останавливал, не одергивал, не напоминал о нормах поведения в театре.

Театр, как известно, складывается постепенно, набирает высоту не сразу. Работа идет кропотливая и напряженная. Медленно, очень медленно формируется и растет театр.

Но и разрушается театр медленно: это не видно, так сказать, невооруженным глазом. Постепенный распад и неумолимый крах театра не бросаются в глаза. Процесс разрушения идет незаметно не только для окружающих, но и для самих актеров и режиссеров. И те, кто работает в театре, порой долго не видят, какие пагубные процессы расшатывают их коллектив. Артисты не чувствуют, что своим отношением к делу, своим поведением, даже не вызывающе дурным, не зlostным, они приближают закат театра.

И вот уже громко разговаривают не только перед началом первого действия, но и в антрактах, и во время спектакля.

Отыграв сцену, актриса уходит за кулисы и громко стучит каблучками за сценой. Так стучит, что, думаю, слышно даже в зале.

Происходит это, поверьте, не потому, что актриса воинственная нарушительница норм поведения, что ей наплевать на товарищей и публику. Нет, причина опять та же: никто не воспитывал ее, никто не объяснял, что же это такое — «театр начинается с вешалки».

Исповедовать высшие нравственные принципы, будучи в театре, просто необходимо. Потому что театр — это школа, а с учителей, духовных наставников спрос особый. И с молодых, и с не очень молодых. Вот почему, говоря о том, что начинающие актеры порой просто не ведают, что творят, я тем самым, конечно же, делаю им определенное послабление. В самом деле, почему нужно кому-то, пусть и молодому, напоминать о вещах очевидных и даже банальных? Почему у самого актера не хватает внутренней культуры, которая подсказывала бы ему элементарные вещи? Самодисциплина и постоянная собранность непременно должны быть разлиты у людей, посвятивших себя служению искусству.

Сажу в гримерной и вдруг вздрагиваю от взрыва

хохота. Поразительно! Ведь до начала спектакля — считанные минуты. Не могу одолеть любопытства, смешанного с негодованием. Открываю дверь. Режиссер и два ведущих актера.

С кого прикажете молодым актерам брать пример?

Теряются нормальные критерии дисциплины в театре. Дисциплина, которая должна быть непременным спутником оставшихся до начала спектакля не двух-трех, а тридцати—сорока минут.

Способность театра, его умение постоянно набирать высоту зависит от многих обстоятельств: от таланта коллектива — его руководителей и актеров, от атмосферы, определяемой, кстати, и такими мелочами, как умение избавляться от топота каблучков актрисы, идущей за кулисами, от громкого смеха и криков около гримерных комнат. Наконец, творческие успехи театра зависят от серьезных отношения актеров к делу, которому посвящена их жизнь, от требовательности к самому себе, такой требовательности, при которой будет решительно невозможен тот эпизод, с рассказа о котором начиналась эта глава: я не хочу, чтобы сфуглер был вынужден подавать реплики так, что их слышит даже галерка.

Все это может показаться кому-то пустяками, маленькими, не слишком значительными деталями на фоне того великого дела, которое называется служением искусству, но эти «мелочи» подтачивают и самый творческий, самый жизнеспособный, самый могучий театральный коллектив.

Артисты должны беречь свой театр, но и театр должен беречь артистов, потому что они — главное действующее лицо. И подходить к ним надо более внимательно, нежели подчас это практикует руководство. Оговорюсь, что далеко не всегда есть повод для критики дирекции или режиссера: многие, очень многие и административные, и творческие руководители театров заслуживают самых добрых слов за свое умение строить отношения с актерами. Более того, часто именно артисты виноваты в конфликтах или взаимных неудовольствиях. И все же...

Актера нужно беречь, а не только требовать от него, постоянно, изо дня в день напоминаая ему о его обязанности.

Это так сложно, но вместе с тем и совсем просто — считаться с актером, помогать ему в творчестве, поддерживать его. Только тогда он будет стараться превосходить собственные возможности, стремясь точно и хорошо выполнить то, что от него требуют.

Артист — главная фигура в театре. На него работают все цехи и все службы — и технические, и творческие. И композитор, и художник, и режиссер. И, разумеется, дирекция театра не являет собой исключения из этого правила.

Все работают на актера, чтобы помочь ему как можно более успешно справиться с возложенной на него миссией, чтобы он сумел донести до зрителя те идеи, что объединяют весь коллектив, те идеи, что воодушевляли драматурга написание пьесы, а режиссера — на ее постановку.

Нервная организация актера весьма чувствительна. Малейшее упущение со стороны режиссера или дирекции театра, опрометчивые, поспешные решения сразу влияют на психику исполнителя, а это тотчас же сказывается на его деятельности и, стало быть, на качестве спектакля.

24 ИЮН 1985

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
Г. Москва